

Александр Станиславович Сих

*Средство
от депрессии, или
Психологическая
помощь*

Александр Сих

**Средство от депрессии, или
Психологическая помощь**

«Издательские решения»

Сих А. С.

Средство от депрессии, или Психологическая помощь /
А. С. Сих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962447-5

Чуть эксцентричная, чуть легкомысленная, чуть романтическая комедия,
в которой юмор всё-таки доминирует над философией, психологией и
социологией.

ISBN 978-5-44-962447-5

© Сих А. С.
© Издательские решения

Средство от депрессии, или Психологическая помощь

Александр Станиславович Сих

© Александр Станиславович Сих, 2019

ISBN 978-5-4496-2447-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Комедия в трёх действиях

Действующие лица

Роман Романович, писатель (юмор, сатира, ирония), 52 года.

Оксана Викторовна, его жена, деловая женщина, 45 лет.

Виктория, их дочь, студентка, 20 лет.

Виктор, молодой человек, 25 лет.

Валентин Ильич, сосед, актёр кино (роли второго плана, эпизоды), 59 лет.

Талик (Талейран), белый пудель.

События всех трёх действий происходят в квартире писателя и его семьи.

Действие первое.

Утро. Кухня. Оксана Викторовна не спеша приступает к завтраку, а Роман Романович, умывшись, появляется с грустным выражением лица.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Доброе утро, дорогая.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Доброе утро, дорогой.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Приятного аппетита.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Большое спасибо, милый.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. (Искоса поглядывая на жену). Прости, что отвлекаю, а где мой утренний кофе?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Вон, пожалуйста, кофеварка, рядом баночка с кофе, там же, рядом, сахар, а в холодильнике молоко. Если пожелаешь?!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Так его ещё надо приготовить?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Да, дорогой, сегодня надо.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. В таком случае, пожалуй, обойдёмся без молока. Что я, ребёнок, что ли, пить кофе с молоком?!

О к с а н а В и к т о р о в н а. Оно и понятно, лучше, конечно, кофе с коньяком.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я не враг своему здоровью. (Грустно задумывается). Хотя, к чему то здоровье, когда...

О к с а н а В и к т о р о в н а. Здоровье всегда пригодится. Даже, если просто так – на всякий случай. Например, на случай непредвиденных обстоятельств.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Непредвиденные обстоятельства надо уметь предвидеть. Для этого существует аналитический ум и логика.

Оксана Викторовна. Ну что ж, логично. Попробуй этими качествами заварить себе хотя бы кофе?!

Роман Романович. (Хмыкнув). Легко. Надо воду сначала вскипятить?

Оксана Викторовна. По логике – да. А теперь, применяя аналитический ум, попытайся это сделать. Только очень прошу – будь осторожен! Не рискуй понапрасну!

Роман Романович. Чем же тут рисковать? Неужели я настолько неумеха, что готовка кофе для меня сопряжена с риском для здоровья?

Оксана Викторовна. Вообще-то, готовка кофе требует элементарного умения. Но в твоём случае, очень даже может быть.

Роман Романович. Ха! (Идёт к плите и что-то там манипулирует). Ай-яй-яй! Чтoб тебя!

Оксана Викторовна. Что случилось, дорогой?

Роман Романович. Палец обжёл! Твою, мою, и их, вместе взятых, родину!

Оксана Викторовна. Вот тебе и непредвиденное обстоятельство, которое не смогли предугадать ни твой ум, ни твоя логика. А Родина, дорогой, тут не при чём. Да и не надо так бурно реагировать на сущий пустяк. Ты же не сжёг его совсем? Что-то ведь осталось?! Да если бы и сжёг – не велика потеря. Девять-то осталось бы. Наливай в чашку. В чашку, а не рядом! Ну вот, получилось. Молодец! Сам приготовил несколько глотков кофе. Возьми полотенце и вытри, пожалуйста, остальные глотки. Будем считать, что это ученический брак и споем его, как издержки производства. Чтобы взбодрить желудок и этого хватит, хотя он и без кофе всегда бодрый и готов к труду. Он, видимо, в отличие от тебя, постоянно сдавал нормы ГТО?! Кстати, завтрак твой стоит в микроволновке. Погреешь и возьмёшь. Сможешь?

Роман Романович. Я очень постараюсь, дорогая.

Оксана Викторовна относит посуду в мойку, открывает балконную дверь и возвращается к столу. Роман Романович выпивает кофе, относит чашку тоже в мойку и идёт к микроволновке. Греет и достаёт.

Роман Романович. Ё-ё-ё... п, р, с, т и прочие литеры!

Оксана Викторовна. (Закурив). Опять небольшое ЧП, дорогой?

Роман Романович. Не смертельное. Куриная нога из тарелки выпала. Где наш дармоед, Толик? Пусть идёт, полакомится, паразит!

Оксана Викторовна. Не Толик, а Талик. От знаменитой фамилии Талейран. И ты прекрасно знаешь, что, имея такое аристократическое имя и утончённое воспитание, он не опустится до того, чтобы побираться. Положи в его тарелку, он потом подойдёт.

Роман Романович. (Шёпотом). Овсянки ему, аристократу собачьему!

Оксана Викторовна. Ты что-то сказал, дорогой?

Роман Романович. Я сказал, как хорошо, что не обе выпали. Хоть одна осталась. Уже не поем, правда, а только перекушу. (Ставит тарелку на стол и берёт хлеб и вилку).

Оксана Викторовна. Как ты, вообще, можешь есть эту гадость, да ещё в такую рань?! Я удивляюсь!

Роман Романович. Я тоже удивляюсь, как ты можешь такую красоту называть гадостью?! Какая красивая корочка! Какой ароматный запах!

Оксана Викторовна. Не нагоняй на меня тоску. И я тебя прошу, не мой сам посуду. Пусть она останется целой. Клавдия придёт убираться, она и помоеет.

Роман Романович. Да что ж такое! Уже вилка упала. Никак, сегодня ждать незваного гостя?! С утра всё падает из рук. Невозможно нормально позавтракать!

Оксана Викторовна. Рома, если бы они приходили после каждого твоего падения...

Роман Романович. Дорогая, не моего падения, а падения предметов первой необходимости.

Оксана Викторовна. Если бы гости приходили после каждого падения предметов первой необходимости из твоих рук, в нашей квартире движение было бы, как в центре города. Ты бы, со своей интеллигентностью, из этой пробки добрался к туалету только к обеду, а к завтраку... мне даже страшно подумать, как ты смог бы выжить в таких экстремальных условиях!

Оксана Викторовна тушит в пепельнице сигарету и закрывает балконную дверь. После чего вновь садится к столу.

Роман Романович. (Рассерженно). Вот как сделал один нравственный урод слово «интеллигент» ругательным, а самого интеллигентного человека выставил каким-то ущербным слизняком, так до сих пор это лживое утверждение и доминирует в примитивном человеческом социуме. Я, конечно, понимаю, что это не что иное, как месть хамства воспитанию и приличию, именуемому культурой, в которой, к сожалению, уже давно хамство мимикрировало, адаптировалось и занимает ведущие посты. И вот, зная свою истинную суть, фальшивая интеллигентность беспощадно мстит интеллигенции натуральной. И эта месть тотальная. А бедному настоящему интеллигенту, дабы хоть как-то выживать в этой среде, приходится, как хамелеону, менять свой окрас, в зависимости от того, с кем он имеет дело. Теперь, хам – интеллигент, а интеллигент – чуть-чуть хам, чтобы его, как шпиона, не разоблачили.

Оксана Викторовна. Блестящая речь, хоть и сумбурная. (Смотрит мужу в глаза). Я так понимаю, дорогой, что вот сейчас, своим красноречивым ораторством, ты провёл этапный водораздел между мной – хамством, и тобой – наследственным интеллигентом? Или, как ты утверждаешь, между интеллигенцией фальшивой и настоящей?! (Муж, ковыряясь вилкой, смотрит в тарелку). Я спрашиваю – провёл или не провёл? Отвечай!

Роман Романович. (Не громко). Провёл.

Оксана Викторовна. Упадок сил? Я не слышу?!

Роман Романович. (Собирается с духом). Да, провёл!

Оксана Викторовна. Молодец! Заслужил награду за смелость. Можешь взять ещё одну курицу за ляжку. Только, милый, ты ошибаешься. Ты не сталкивался с настоящим бытовым хамством, иначе давно умер бы от заворота кишок, не дождавшись благородной смерти от инфаркта или инсульта. А у меня, дорогой, просто жёсткий характер, выработанный облачным детством, туманной юностью и ледяной молодостью. Чтобы разбивать ледяные торосы, пришлось стать ледоколом. А вот когда у человека характер тюфякообразный, а руки заточены пьяным токарем, то ему только и остаётся, как быть породистым интеллигентом!

Роман Романович. На что это ты целое утро намекаешь? А, дорогая?

Оксана Викторовна. Какие уж тут намёки, дорогой?! Сколько тебя знаю, в них ничего надолго не могло удержаться. Даже деньги протекали сквозь пальцы. И лишь благодаря мне, они не прилипали к чужим рукам.

Роман Романович. (Пафосно). Да! Я не торгош! Я художник слова! И в мыслях я бываю далеко! Отсюда моя творческая рассеянность, которую ты цинично именуешь бытовой неуклюжестью. Я и сейчас, может быть, с очередным персонажем гуляю где-нибудь на Елисейских полях. В каком-нибудь бистро ведём острые философские и сатирические беседы.

Оксана Викторовна. Только не сейчас, дорогой. Сейчас ты всеми мыслями и фибрами души возле этой куриной ноги. А потом, вполне допускаю, рванёшь и в бистро, которое совсем недалеко. В ста метрах от дома. Я там как-то проходила и видела надпись: «Поля благодати у Елисея». И та елисейская благодать, судя по выходящим, очень крепкая.

Роман Романович. Серьёзно? Странно?! Живу рядом, а вот никакого Елисея, с его чудесными полями, не знаю?!

Оксана Викторовна. Я тоже удивлена, но познакомиться никогда не поздно.

Роман Романович. Это несущественно и к делу не относится. Давай лучше вернёмся к прежней теме. Ты посмела, дорогая, упрекнуть меня в моей жизненной несостоятельности? В моей неуклюжести и бытовой непригодности?

Оксана Викторовна. Ну что ты, милый, я тебя не упрекаю. Я живу со всем этим уже много лет. А разве нет? Ты вспомни, когда ты смог уйти из-за стола, ничего не уронив?

Роман Романович. Я этого не отрицаю, но уже говорил и повторяю, что меня за столом подводит некоторая поспешность и творческая рассеянность.

Оксана Викторовна. Поспешность – да. Но не некоторая, а вся, что на столе лежит. А вот рассеянности за столом у тебя нет. Там ты предельно собран и сконцентрирован. А моментами, даже агрессивен.

Роман Романович. Не надо делать из меня обжору. Этакого пищевого монстра и маньяка. Мне просто хочется всё попробовать. Я гурман. Тонкий дегустатор столового натюрморта.

Оксана Викторовна. Сколько тебя помню, гурманом ты был всегда, но никогда тонким.

Роман Романович. Это не моя вина. У меня такая конституция – я склонен к полноте.

Оксана Викторовна. Прогрессивные люди конституции меняют. А если не меняют, то вносят поправки.

Роман Романович. Меняют конституции и вносят поправки не прогрессивные люди, а имеющие власть, утверждая, что эта власть дана им народом. Чтобы, прикрываясь именем народа, затягивать на его же, народа, животе пояс, а потом уже и на шее ремень, доказывая, что всё это делается исключительно и только на его благо.

Оксана Викторовна. Не надо с утра о политике. Лучше вспомни, как на нашей свадьбе ты ронял обручальное кольцо?!

Роман Романович. Я очень волновался, дорогая. И, как оказалось, не напрасно.

Оксана Викторовна. Три раза оно падало к нашему счастью, и лишь на четвёртый ты попал в цель. Хотя, и не в десятку.

Роман Романович. А куда? В девятку?

Оксана Викторовна. Примерно туда. Ты окольцевал мой мизинец. Я промолчала, а потом незаметно поменяла сама. Не хотелось с самого начала омрачать семейную жизнь.

Роман Романович. Лучше бы ты омрачила её тогда, чем все последующие годы! Лучше бы я вообще не попал на этот отросток! Дорогая!

Оксана Викторовна. Неблагодарный! Да ты со своими ручонками давно помер бы с голоду! Если бы ты жил до изобретения печатной машинки, а потом и компьютера, то побирался бы у паперти! Дорогой!

Роман Романович. Как бы не так! Я талантливый писатель!

Оксана Викторовна. Писатель, может быть, ты и не плохой, но кто прочёл бы написанное тобой, будь в твоей руке перо? Технический прогресс тебя спас. Наловчился тыкать по клавиатуре своими кочерыжками... дорогой.

Роман Романович. Ах, вот даже как?! Раньше ты до этого не доходила?! Ещё не переступала ту черту, за которой мирная семейная беседа превращается в бестактные, да и беспочвенные обвинения.

Оксана Викторовна. Всё это так, любимый, но в любых отношениях должен быть прогресс. Иначе, они закаменеют и покроются пылью и плесенью. Ты согласен?

Роман Романович. Пожалуй, ты права. Только с кочерыжками – перебор. Явное преувеличение. Гипербола.

Оксана Викторовна. С отростком у тебя тоже перебор. Гипербола вместе с параболой.

Роман Романович. Хорошо. Я забираю отросток, ты забери кочерыжку, и продолжим нашу приятную беседу.

Оксана Викторовна. Договорились, милый. Они не кочерыжки – они сухие сучки на отмирающей ветке.

Роман Романович. Отмирающая ветка – это я? Такая вот, значит, аллегория?! Это очень жестоко с твоей стороны, дорогая! Если я сейчас в творческой депрессии, это ещё не значит, что я умер как писатель!

Оксана Викторовна. Боже упаси, дорогой! Твоя депрессия пройдёт, и ты опять напишешь шедевр. Но... только в том случае, если я буду рядом. Я твоя муза, твой катализатор и стимулятор, твоя путеводная звезда. Ну и, конечно, твой диктатор и тиран.

Роман Романович. Вот, это уже ближе к истине! Именно – диктатор и тиран!

Оксана Викторовна. Для твоего же блага, глупенький.

Роман Романович. Каждый диктатор прикрывается благими намерениями, пытаюсь скрыть или оправдать собственное зло! А благими намерениями устлана дорога... сама знаешь куда.

Оксана Викторовна. В моём случае, – к твоей жизнедеятельности и безопасности.

Роман Романович. (Понизив голос). Ну конечно, всё для меня и ради меня. Ты мне никогда не давала свободы действий. Инициатива всегда была в твоих руках. Со дня нашей свадьбы.

Оксана Викторовна. Именно! С первой брачной ночи. Я была просто вынуждена взять инициативу в свои руки, чтобы ночь наслаждений не превратилась в ночь страданий. И до сих пор на мне держится вся материальная сторона нашего семейного бытия. Ты когда в последний раз о чём-нибудь договаривался? Занимался квартирными вопросами или постройкой и обустройством дачи? Ты хоть раз оплачивал коммунальные платежи? Молчишь?! Какую, мой дорогой, тебе надо свободу действий? Ты когда, вообще, в последний раз действовал? Не помнишь? Я тоже. А сходить к какому-нибудь Елисею или Прохору, я тебе никогда не запрещала. Ты свободен в своих передвижениях по местному околотку, а если тебе надо дальше, я тебя отвожу. Как личный водитель. Иногда срываясь с работы и бросая дела. Для собственного удовольствия я это делаю? Для твоего блага и безопасности! Ты же, как ребёнок, честное слово!

Роман Романович. (Понуро). Весь аппетит пропал. Даже не доел.

Оксана Викторовна. Не переживай, он появится сразу же, как только я уйду.

Роман Романович. (Оживляется). Да, кстати, ты случайно не опаздываешь?

Оксана Викторовна. Я не могу опаздывать. Я хозяйка. Я могу задержаться ровно на столько, на сколько сочту необходимым.

Роман Романович. Извини, забыл. Теперь ты уже хозяйка.

Оксана Викторовна. Я ею была всегда. Только когда-то у меня был один подчинённый – ты, а теперь их сотни.

Роман Романович. Я им сочувствую.

Оксана Викторовна. Ты им должен завидовать. У нас дружный и сплочённый коллектив, где каждый знает своё дело и свои обязанности.

Роман Романович. А свои права?

Оксана Викторовна. Их права прописаны в ведомостях о зарплате. И поверь, они ими довольны. Им некогда покрываться зелёной меланхолией и впадать в депрессию. По крайней мере, на рабочем месте. А ты сидишь целыми днями, чахнешь и уныло ждёшь вдохновения! А оно не приходит, оно гостит у других. А приходят только всякого рода бездельники и бездари, жаждущие славы! Как тараканы пробираются, через любую щель пролезут!

Роман Романович. Да, ползут, паразиты, наслышанные о моей доброте и не зная о моём кризисе. Некоторые, в своей лести, противны до омерзения! (Пауза). Оксана, ответь мне на один вопрос?! Если я такой... неуклюжий, бесхребетный, да и красавцем никогда не был, то почему ты вышла за меня замуж?

Оксана Викторовна. Рома, дорогой, может, хватит на сегодня приятных огорчений? Будет с тебя.

Роман Романович. Нет, не будет. Этого вопроса я тебе ещё ни разу не задавал. Хотя всегда хотелось.

Оксана Викторовна. Но всегда боялся узнать правду?! Ты всю жизнь пасовал перед жёсткой реальностью, предпочитая жить в своих сюжетах и со своими вымышленными героями.

Роман Романович. А вот сегодня взял, да и набрался храбрости!

Оксана Викторовна. Хорошо, уговорил. Кто была я? Провинциальная деваха, с огромными способностями и минимальными возможностями. Ты – талантливый, начавший приобретать известность, рохля из интеллигентной, обеспеченной семьи со связями. Как только я узнала, что твой папа главный редактор серьёзного журнала, а мама – главбух крупного предприятия, так сразу влюбилась в тебя до беспамятства.

Роман Романович. (Очень серьёзно). Это правда?

Оксана Викторовна. Это не важно. Главное – у нас с тобой всё прекрасно. Замечательная дочь, налаженный быт, да и вообще – сплочённая и дружная семья. Я бы сказала – монолит!

Роман Романович. Да, ты как всегда права.

Оксана Викторовна. Я знаю. Но всё равно приятно слышать твою объективность.

Роман Романович. Я не об этом. Я о вдохновении. Сижу, чахну, а оно не приходит. Оно гостит у других. У Альбертов разных! Неужели я исписался? Это ужасно! Уж лучше повеситься, чем жить выжатым фруктом!

Оксана Викторовна. На веренице сосисок, чтобы, проголодавшись, смог перекусить. А если серьёзно, дорогой Романчик, надо почаще гулять. И не здесь, в этом городском смоге, дыша то выхлопными газами, то алкогольными парами, а за городом. Например, на нашей даче. Там нет людской суеты и автомобильных столпотворений, там природа – тишина и покой. Кругом лес, рядом речка, а воздух! И даже солнце там светит по-особому.

Роман Романович. (Насупившись). А в лесу очень много деревьев.

Оксана Викторовна. Естественно, что в лесу очень много деревьев.

Роман Романович. На любом из которых, выбрав по вкусу, можно повиснуть, зацепившись шеей за верёвку, которая предварительно привязана к крепкому суку. В тиши и покое, без помех и лицемерных нравоучений. Жаль только, что в это время года все деревья для меня одинаковые.

Оксана Викторовна. (Зло). Дурак! Чтобы я больше такого не слышала! (Спокойно). Твой возраст – это самый расцвет творчества! Когда на смену легкомысленным глупостям, приходит глубокомысленная мудрость.

Роман Романович. Ничего ко мне приходит! Ни мудрости, ни вдохновения! Наверное, у меня уже всё отцвело?! Наступает печальный процесс увядания.

Оксана Викторовна. Неужели, всё? Ты скромничаешь, дорогой! Процесс увядания характеризуется отторжением всяких телесных благ. Как то, например, потерей аппетита и брезгливостью к противоположному полу. Ни того, ни другого я за тобой не наблюдаю. Вечером, в телевизоре, как увидишь полуобнажённую смазливую особь, так мгновенно срабатывает рефлекс самца – слюновыделение и неугасимый блеск в глазах, которые, как у кота, начинают светиться даже в темноте.

Роман Романович. Что ты выдумываешь?!

Оксана Викторовна. Мне ли этого не знать, когда они полчаса сверху смотрят на меня, не мигая! А с желудочным аппетитом дела обстоят и того хуже.

Роман Романович. Не говори глупостей, видишь – нет аппетита.

Оксана Викторовна. Свой аппетит ты просто подавляешь. Назло мне. И глупости, опять-таки, говоришь назло мне. Которые, кстати, говорить никогда не следует.

Роман Романович. А что я такого страшного сказал?

Оксана Викторовна. Ты сказал то, за что в моей глуши, откуда я родом, старшие люди били по губам, а умные ровесники – по зубам. А насчёт дачи – подумай. Дельное предложение. Я отвезу. Ты там вмиг забудешь о своей депрессии.

Роман Романович. Что, думаешь, природа так благотворно на меня подействует?

Оксана Викторовна. (Чуть улыбнувшись). И природа, конечно, тоже, но главное, что ты будешь поставлен в жёсткие условия выживания. Тебя одного отправить на дачу, что другого забросить в джунгли. И ещё не известно, у кого больше шансов выжить.

Роман Романович. Ах, так! А вот и поеду! И прекрасно проведу время! Вечерние сумерки сгущаются над безмолвным лесом, я сижу в полумраке уединённой хижины, пристанище одинокого волка, и наблюдаю отблески от пылающего камина, которые на стенах и потолке причудливо рисуют пасторальные картины средневековья. Огненные блики весело играют по комнате, переливаясь калейдоскопом яркого разноцветья на бутылке с вином и на бокале...

Оксана Викторовна. (Насупив брови). Нет, пожалуй, на дачу одного я тебя не отпущу.

Роман Романович. Боишься, что сопьюсь?

Оксана Викторовна. Это не самое страшное. Там надо колоть дрова и топить камин. Ты в первый же день покалечишь себя, а потом, приняв анестезию и причудливо переливаясь калейдоскопом яркого разноцветья, спалишь дачу. После чего будешь весело играть с огненными бликами по комнате, пока не задохнёшься и не сгоришь.

Роман Романович. Ты нарисовала ужасную картину. Я не хочу такой смерти.

Оксана Викторовна. А я, хоть и покажется тебе это странным, вообще не хочу твоей смерти.

Роман Романович. А давай вместе?

Оксана Викторовна. Весело поиграем с огненными бликами, переливаясь разноцветьем бутылок и бокалов?

Роман Романович. Махнём на дачу! И огненные блики будут не страшны, и игры с бокалами и бутылками ограничим. А будем переливаться разноцветьем счастья и...

Оксана Викторовна. Ты же знаешь, что я не могу. У меня уйма дел. А может тебя в деревню к моему брату? Там у нас такая красота! И ты не один – под присмотром.

Роман Романович. Ты хочешь от меня избавиться?!

Оксана Викторовна. Очередная глупость. Я пытаюсь избавить тебя от пустой, дуратской ипохондрии, а заодно, предоставить свободу действий, которую ты так жаждешь.

Роман Романович. (Глядя в стол). Я не жажду свободы.

Оксана Викторовна. Вот это новость! Ты противоречишь сам себе. И если на то пошло, то я всегда считала, что человек, создание Божье, должен рождаться свободным, и его стремление к хотя бы относительной независимости должно присутствовать в нём всю жизнь, несмотря на изошрённые попытки сородичей по виду гомо сапиенс его закабалить.

Роман Романович. Это демагогия. Человек рождается должником. А может, и того хуже – рабом, хотя многие рабы считают себя свободными гражданами.

Оксана Викторовна. Я же сказала – относительная независимость. А вот рабами, по большей части, мы становимся сами, становясь добровольно заложниками своих страстей. А психологическое рабство – самое страшное рабство человека. А вот стремление к разумной социальной независимости – это нормальное желание каждого человека. И чем сильнее напор агрессора, тем сильнее сила воли и духа индивидуума этому напору противостоять. Она должна быть прямо пропорциональна, а не обратно. Именно этим качеством определяется личность.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Ну вот, а у меня обратно.

О к с а н а В и к т о р о в н а. (Смотрит на часы). Что, обратно? Обратно боли в желудке? Говорила я тебе – не ешь эту гадость по утрам! В обед – и то чуть-чуть. А он всё пихает в себя разную дрянь!

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Да нету у меня никаких болей! И не надо мясо птицы называть дрянью.

О к с а н а В и к т о р о в н а. Курица не птица.

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Что же ты только первую часть народной мудрости сказала? Не хватило смелости закончить? Ладно, я сам: курица не птица – баба не человек. Не трудно, правда?

О к с а н а В и к т о р о в н а. Правда, но только первая часть, а вторая – лживое оскорбление. Так что там у тебя обратно?

Р о м а н Р о м а н о в и ч. Я имел в виду, что моя сила воли и духа обратно пропорциональна твоему напору. И вообще, я подозреваю, что эта сила давно растворилась в твоём стремительном, сокрушительном водовороте энтузиазма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.